

Шунейко А. А.
САМООРГАНИЗАЦИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Шунейко А. А.
A. A. Shuneyko

САМООРГАНИЗАЦИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

SELF-ORGANIZATION OF URBAN SPACE

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел.: + 7 (4217)-52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru.

Mr. Alexander A. Shuneyko – Dr. Habil. of Philology, Associate Professor, Professor at the Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel.: +7 (4217) 52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru.

Аннотация. В статье на примере Комсомольска-на-Амуре с привлечением информации, характеризующей распределение объектов в других городах, показано, что городское пространство представляет собой совокупность объектов, расположение которых подчиняется двум противоположным принципам: планированию и самоорганизации. Самоорганизация проявляется в существовании специфических локаций, характер которых отражает свойственные ей качества. К таким локациям относятся: нейтральные и специализированные улицы, случайное или спонтанное появление, эффект миграции объектов, транзитные площадки и площадки стабильности, зоны рассеивания или отторжения и зоны стягивания, концентрации или комфорта, нехорошее место. Взаимное наложение результатов планирования и самоорганизации порождает различные конфликты, учёт которых является необходимым для нормального функционирования внутри городского пространства (ГП).

Summary. The author analyzing Komsomolsk-on-Amur and using information characterizing the distribution of objects in other cities shows that the urban space is a set of objects, their location is subject to two opposite principles: planning and self-organization. Self-organization is manifested in the existence of specific locations; their nature reflects its inherent qualities. These locations include: neutral and specialized streets, accidental or spontaneous appearance, the effect of migration of objects, transit areas and areas of stability, areas of dispersion or rejection and areas of contraction, concentration or comfort, a bad place. The overlap between the results of planning and self-organization creates various conflicts. The consideration of conflicts is necessary for the normal functioning within the urban space (US).

Ключевые слова: городское пространство, самоорганизация, нейтральные и специализированные улицы, спонтанное появление, эффект миграции объектов, транзитные площадки и площадки стабильности, зоны отторжения и зоны концентрации, нехорошее место.

Key words: urban space, self-organization, neutral and specialized streets, a spontaneous appearance, the effect of object migration, transit platforms and platform stability, zones of exclusion and zones of concentration, bad place.

УДК 008:72

Зоны комфорта тождественны специализированным улицам для однотипных объектов (ОО). Это пространства, из которых объекты конкретной сферы не перемещаются либо переходят в такую же. Если объекты попадают сюда, то при миграции остаются в границах этих зон, как это произошло с аптекой № 14.

Площадки и зоны – образования или локализации принципиально различных типов, которые не следует смешивать. Площадки индифферентны к содержанию объектов. Их можно сравнить с постоянным тасованием колоды карт, перемешиванием различных мастей. А зоны придиричиво избирательны к содержанию объектов, отдают предпочтение одним и отторгают другие. Зоны комфорта для одних объектов вполне могут быть транзитными площадками для других.

Зоны отторжения для одних объектов вполне могут быть площадками стабильности. В придачу к этому площадки и зоны устойчиво не совпадают по площади.

Но при этом существенном различии необходимо признать, что устойчивость и равновесность господствуют в зонах комфорта и на площадках стабильности, а живые процессы, приводящие к неустойчивости и неравновесности, происходят на транзитных площадках и в зонах отторжения. Транзитные площадки и зоны отторжения характеризуются тем, что в них существенно возрастает неравновесность системы, увеличивается неопределённость её характеристик и качеств, становится очевидной возможность многовекторного развития системы, возникает потенциальная возможность того, что система преобразуется в хаос, перейдёт в содержательно или качественно иное образование, прекратит своё существование, потеряет свою самостоятельность или изменится иным способом. То есть по качеству своего состояния это типичные точки бифуркации.

Что создаёт концентрацию ОО и управляет их неравномерным распределением? Концентрация и рассеивание однотипных объектов является следствием попадания их в те или иные зоны или на те или иные площадки. Зоны и площадки руководят распределением объектов. Но не исключено и обратное влияние при большой концентрации объектов одного типа.

Что приводит к точкам бифуркации? Логично предположить, что это некие факторы, способствующие флуктуациям, запускающие их, делающие их серийными. Приходится признать, что перечисленными выше факторами это можно объяснить только частично. В настоящее время в общественном сознании сложилось несколько способов интерпретации отмеченных выше процессов и характеристик локаций.

Подчеркнём тот факт, что общественное сознание, в принципе, прямо или косвенно реагирует на существование некоторых из отмеченных выше локаций, что находит отражение в языке. В частности, осознание существования специализированных улиц проявляется в устойчивых номинациях: *торговая улица, рабочий (пролетарский) район, спальный район, промзона, тихий центр*. Качество пространства, проявляющееся в транзитных площадках, называют нехорошим местом. В романе «Мастер и Маргарита» М. А. Булгаков описал подобную локацию под названием «нехорошая квартира», где характеристикой места была постоянная смена жильцов.

Нехорошие места также именуют гиблыми, дурными, нечистыми, проклятыми. Их описания устойчиво и неизменно присутствуют в фольклоре любой местности, разных городов и деревень. Причём это не просто единичные упоминания, а большое количество развёрнутых текстов (например, в работах [3; 4; 5]). Все эти тексты вне зависимости от времени и места их создания обнаруживают типологические черты.

Нехорошее место – это пространство, которое либо вообще не имеет хозяина (пустырь, старое кладбище, заброшенное или недостроенное строение, подвал, шоссе, парк), либо постоянно меняет хозяев. В нехорошем месте человеку опасно находиться: он либо испытывает сильное беспокойство, либо получает неизгладимый шок, либо физическое увечье, либо сходит с ума, либо умирает или перемещается в иное пространство, перестаёт быть человеком, либо бесследно пропадает. В нехорошем месте присутствуют необъяснимые явления: глохнет машины, гаснет электричество – или обитают агрессивные инфернальные сущности: духи, призраки, мертвецы. Нехорошее место возникает там, где до этого мучили людей, приносили их в жертву, убивали невинных, надругались над кладбищем; жили или умирали люди, обращавшиеся к чёрной магии, либо это место было целенаправленно проклято кем-то. Нехорошее место следует обходить стороной и ни в коем случае в нём не задерживаться. Нехорошее место вытесняет и отторгает человека и при этом втягивает его в себя до полного исчезновения. Важно, что из всех этих типологических характеристик реально верифицируемыми для идентификации нехороших мест являются только их необитаемость или постоянная смена хозяев.

Следует подчеркнуть, что в фольклоре такое пространство всегда безусловно осознаётся как негативное. В городском пространстве очевидное сходство с нехорошими местами обнаруживают транзитные площадки; они также не имеют или постоянно меняют хозяев, являются неста-

бильными, то есть противоположными оседлой жизни горожанина. Они не обязательно воспринимаются как негативные, могут осознаваться как нейтральные.

Осознание существования локаций влечёт за собой попытки интерпретации. Например, обрушение в Москве 23 февраля 2006 г. Басманного рынка (построен в 1974 году на Бауманской улице) напрямую связывают с тем, что его возводили на месте, где находилась братская могила погибших от чумы 1771 года, а позже, во время событий 1905-го, был зверски убит Н. Бауман. Смену объектов на транзитной площадке храма Христа Спасителя объясняют проклятием, которое наложила на это место игуменья женского Алексеевского монастыря, когда в 1836 году монахинь выселяли из обители. Мой друг и соавтор то, что три его одноклассника, проживавшие по ул. Партизанской, 1, спились и сошли с ума, объясняет тем, что дом расположен на месте кладбища.

Если суммировать случаи объяснения того, почему тот или иной локус стал плохим, то окажется, что на настоящий момент существуют, в конечном итоге, два общих способа интерпретации возникновения нехороших мест (наподобие транзитных площадок).

Первый способ предполагает интерпретацию через существование благоприятных и неблагоприятных для присутствия человека зон, характер которых напрямую с целенаправленной деятельностью человека не связан. Зоны воспринимаются как концентрации полезных (места силы) или вредных (нехорошие места) для человека энергий. Причины концентрации пытаются объяснить разными способами: влиянием подземных геологических объектов; воздействием светил (ср. описание аномальных зон Кишинёва [6]); материалом, из которого построено здание; близлежащими техногенными объектами; контактом с кладбищами. При этом странно пытаться вписывать геологические объекты в размеры улиц и перекрёстков; сомнительно найти доказательство влияния светил и совершенно очевидно, что в доме из радиоактивного материала или рядом с атомной электростанцией никто жить не захочет.

Если отбросить недоказуемые, сомнительные и очевидные обоснования, то окажется, что проверке стоит подвергнуть только влияние кладбищ. Считается, что негативную энергию продуцируют и, соответственно, делают зоны непригодными для жизни именно кладбища. В частности, существует большой корпус тематически почти тождественных текстов городского фольклора про построенные на месте кладбищ дома, в которых постоянно происходят трагические события: умирают и пропадают жильцы, меняются хозяева, случаются пожары и т. п. Смысл этих текстов сводится к тому, что построенное на месте кладбищ непригодно для нормального существования.

Проверим, насколько кладбища влияют на характер локации. Ситуация совмещения бывшего кладбища и места жительства обычна для большинства городов. Она связана с тем, что, расширяя свои границы, города захватывают площади кладбищ. Например, угол Екатерингофского и Рижского проспектов в Санкт-Петербурге занимает место, где в начале XVIII века находилось одно из первых кладбищ; в XIX веке здешние огороды называли «огороды на могилах» [4]. Этот захват имеет разные последствия. В редких случаях кладбища сохраняются. В большинстве же случаев они просто уничтожаются с видимым соблюдением формальностей или без оных. Более того, в России наблюдается весьма странная традиция – разбивать на месте кладбищ зоны отдыха.

В Москве в 1930-е годы на месте Лазаревского кладбища разбит детский парк «Фестивальный»; на месте Братского кладбища, расположенного на пересечении улиц Песчаной и Новопесчаной, был разбит Чапаевский парк; в 1978 году на месте Бирюлёвского кладбища разбит сквер; в 1987-м на месте Дегунинского кладбища обустроен сквер [7, 8]. В Санкт-Петербурге на месте Сампсониевского кладбища был разбит районный сад культуры и отдыха; в 1945-м между улицами Кузнецовской и Бассейной, в южной части Московского проспекта, на месте массового захоронения был разбит парк Победы [4]. В Комсомольске-на-Амуре на месте одного из бывших кладбищ [2] ныне находятся парк Железнодорожников, Дворец культуры, диагностический центр, жилые дома и фабрика.

Заметим, что эти и подобные им парки разбивались тогда, когда не только власти и историки, но и все местные жители отлично знали (видели), на каком месте устраивают зона отдыха, а в ряде случаев и пытались этому препятствовать. Невольно напрашивается мысль о том, что в ситуациях «парк на месте кладбища» мы имеем дело с демонстративными пропагандистскими

актами, продвигающими актуальные для коммунистического государства идеи атеизма, устрашения, отрицания значения личности и целенаправленного уничтожения исторической памяти.

Места бывших кладбищ в Комсомольске-на-Амуре описаны М. А. Кузьминой [2]. Рассмотрим характеристики нескольких локаций, находящихся в контактной близости от затоптанных и закатанных в бетон погостов.

Перекрёсток улиц Пионерской и Партизанской – это транзитная площадка, которая входит в зону отторжения и расположена на нейтральных с точки зрения ОО улицах. Перекрёсток улиц Вокзальной и Пирогова – это транзитная площадка, входящая в зону комфорта и расположенная на специализированной с точки зрения ОО улице. Пересечение улиц Чапаева и Парижской Коммуны – площадка стабильности, которая входит в зону комфорта и расположена на нейтральных с точки зрения ОО улицах. Пересечение улицы Шиханова и проспекта Ленина – это площадка стабильности, которая входит в зону комфорта и расположена на специализированной с точки зрения ОО улице.

Количество примеров можно увеличивать, но и из этих примеров становится отчётливо ясно, что характеристики локаций, связанные со стабильностью или нестабильностью пространства и присутствием в нём ОО, никак не связаны с наличием или отсутствием в этих местах захоронений. Аналогично в других городах, например, в районе Чапаевского парка (Песчаных улиц) и набережной Тараса Шевченко (в Москве), по моим многолетним наблюдениям, в целом относятся к площадкам стабильности.

Констатируя, что в Комсомольске-на-Амуре не обнаруживается прямой связи между характеристиками локаций и наличием или отсутствием в этих местах кладбищ, отметим, что этот вопрос нуждается в более детальной разработке, которая предполагает учёт пяти групп фактов.

Первая группа связана с тем, что в России были и остаются кладбища внутри городов. Это кладбища, расположенные внутри и около церквей и монастырей, находящихся в черте города и вовсе не воспринимаемых жителями как аномальные или опасные. Самые известные захоронения этого типа: усыпальницы русских царей в кремлёвских соборах и на кладбище Новодевичьего монастыря в Москве, императорские и великокняжеские саркофаги в соборах Петропавловской крепости, Смоленское кладбище в Санкт-Петербурге и подобные им. Практически каждая старая церковь вне зависимости от расположения по отношению к человеческому жилью имеет захоронения внутри себя или рядом.

Вторая группа связана с тем, что в России существует традиция захоронения останков в местах, которые для этого не предназначены. Такие захоронения принципиально отличаются от захоронений первого типа не только тем, что они идут вразрез с каноном, запрещающим хоронить людей вне церковной или кладбищенской ограды. Это случаи идеологически обусловленного агрессивного стирания границ между миром мёртвых и живых. Классические примеры: Красная площадь в Москве, которая превращена коммунистическим режимом в главное кладбище страны; Марсово поле в самом центре Санкт-Петербурга. Аналогичный пример в Комсомольске-на-Амуре – пространство на улице Кирова, на противоположной стороне от дома № 49, где расположен памятник погибшим спасателям экипажа самолёта «Родина»; в основании – капсулы с прахом части погибших. Любопытно, что и Красная площадь, и пересечение улиц Кирова и Красногвардейской, где находятся останки, являются площадками стабильности. В Комсомольске-на-Амуре на том месте расположены: здание, которое со времени постройки занимают различные учреждения общественного питания; каменные жилые дома, пришедшие на смену деревянным с меняющимися, но однотипными учреждениями на первых этажах; автозаправка и угол бывшего Аккумуляторного завода.

Третья группа фактов связана с захоронениями, которые осуществляются вне и помимо принятых норм погребения. Как писал Н. А. Синдаловский: «Однако надо иметь в виду, что в первые годы своего существования Петербург кладбищ не знал вообще. По свидетельству иностранцев, трупы умерших зарывали там, где человека заставала смерть» [4]. Сложно предположить, что строительство Санкт-Петербурга в этом смысле было чем-то уникальным; определение «построен на костях» касается далеко не только его. В частности, мне неоднократно от старых москвичей

и комсомольчан приходилось слышать рассказы о том, что при строительстве зданий в 30-е – 50-е годы XX века тела заключённых замуровывали в фундаменты и стены. При этом рассказы москвичей касались исключительно строительства главного здания МГУ, а рассказы комсомольчан – каменных жилых домов по улицам Пионерской и Кирова. Интерпретация этих рассказов – отдельная тема, но если признавать их полное или частичное соответствие действительности, то любое массовое строительство в России и СССР превращается в кладбище. Для сравнения: в этой связи показательные строки из стихотворения «Железная дорога» Н. А. Некрасова: «Прямо дороженька: насыпи узкие, / Столбики, рельсы, мосты. / А по бокам-то всё косточки русские... / Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?» и следующее за ними описание; а также описания строительства Санкт-Петербурга. К этой же группе относятся захоронения, места которых целенаправленно скрывали, например, неизвестные безымянные братские могилы невинно убиенных карательными органами советского государства. Эти «скрытые» могилы учёту не поддаются и являются истинным показателем уровня цивилизованности и гуманности конкретного социума.

Четвёртая группа фактов связана с древним фольклорным представлением о строительной жертве [9]. Именно о ней писал Н. А. Некрасов в стихотворении «Поэт и гражданин»: «За убеждение, за любовь... / Иди, и гибли безупречно. / Умрешь не даром, дело прочно, / Когда под ним струится кровь». Легенда утверждает, что при закладке Петропавловского собора Пётр I зарыл в его основание золотой ковчег с мощами апостола Андрея Первозванного [4]. В соответствии с этим представлением успешность и долгосрочность строения (а также продолжительность жизни строителей и жителей) напрямую определяется тем, принесена ли в его начале строительная жертва и насколько она серьёзна. То есть с точки зрения этого представления жертва, останки которой сохраняются в границах сооружения, – основа и признак стабильности последующего существования. Эти представления входят в более широкий контекст фольклорных представлений, в соответствии с которыми строительство и строения отнимают здоровье и жизни у их авторов и исполнителей. Увечья и расставание с жизнью происходят либо по воле Высших сил, либо по воле заказчиков. Ситуации первого типа: в Санкт-Петербурге О. Монферану была предсказана смерть после строительства Исаакиевского собора; руководителю строительства Казанского собора графу А. С. Строганову была предсказана смерть после его освящения; архитектору здания Академии художеств А. Ф. Кокоринову легенда необоснованно приписывает самоубийство на чердаке построенного здания. Ситуации второго типа: рассказы об ослеплении зодчих в средневековье; легенда о том, что зодчий питерских Крестов А. О. Томишко замурован в одной из камер тюрьмы, чтобы скрыть её секреты; жизнь большинства строителей «Большого дома» закончилась в его стенах.

Пятая группа фактов связана с перезахоронениями, которые всегда вызывают череду разнотипных возмущений. Например, перенос останков Н. В. Гоголя в 1931 году с погоста Свято-Данилова монастыря на Новодевичье кладбище в Москве породил вереницу различных легенд. Часто вопрос о том, где на самом деле погребены останки, оставляется открытым и даже создаёт ситуации «двойных могил». На Смоленском кладбище А. Блок был похоронен в 1921 году; в 1944-м его прах перенесли на Литераторские мостки Волкова кладбища в Санкт-Петербурге; в настоящее время в день памяти поэта почитатели посещают две могилы [4]. В 1930-е годы на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге был создан некрополь мастеров искусств; для этого туда с различных кладбищ свезли обладавшие наибольшей художественной ценностью надгробья и могилы деятелей культуры. Пример в Комсомольске-на-Амуре: в 1941 году врача-первостроителя С. И. Потеряхина похоронили на городском кладбище, которое примыкало к Северному шоссе; в 1986 году в результате ликвидации этого кладбища останки перенесены на территорию близлежащей воинской части № 28756, впоследствии расформированной; ставится вопрос о новом перезахоронении. Перезахоронения – одна из причин появления кенотафов – надгробий, под которыми нет останков покойного, например, надгробие Густава Мегира на Лазаревском кладбище в Санкт-Петербурге. Пример кенотафа в Комсомольске-на-Амуре – бюст Маресьева на проспекте Мира. Перезахоронения входят в один ряд с миграциями

иных объектов и являются ярчайшим примером стремления социума постоянно проявлять и демонстрировать власть над личностью.

Несложно заметить, что пять групп фактов показывают неоднозначное восприятие реальной практикой и фольклорной традицией самого характера контактного взаимодействия захоронений и мест обитания живых. Такой контакт (группа 1) в одних случаях нарочито подчёркивается, в других – усиленно скрывается, в третьих – не замечается; группа 2 служит демонстрации прямо противоположных идеологических установок: от различных конфессиональных предпочтений до махрового атеизма; группа 3 в одних случаях воспринимается как нейтральный, в других – как негативный, а в третьих – как позитивный и необходимый контакт; группа 4 в одних случаях поддается прямому учёту, а в других – нет. Соответственно, интерпретировать следует не сам факт контакта, а его характер. Примечательно, что во всех этих случаях места захоронений не воспринимаются как неприкосновенные; отношение к ним ничем принципиально не отличается от восприятия любого бытового объекта типа общественной бани, который при определённых условиях неприкосновенен, а при иных с лёгкостью уничтожается.

Возможно, детальный учёт всех этих факторов даст несколько иную картину и выяснит, например, что дело не в самом факте захоронения, а в характере этого захоронения и способа обращения с ним. Но в настоящий момент такой учёт невозможен. Отсутствие прямой доказуемой связи между местами захоронения и нехорошими местами или транзитными площадками косвенно подтверждается тем, что транзитными площадками часто являются отдельные квартиры в домах, а обычные захоронения превышают их площадь.

Второй способ, с помощью которого общественное сознание объясняет концентрацию положительной или отрицательной энергии в том или ином локусе – интерпретация через целенаправленную работу людей с аурой мест. Этот способ предполагает, что всегда существуют две противоположные группы людей, сил, коллективов, которые целенаправленно ухудшают и улучшают ауры мест. В качестве подтверждения приводят многочисленные примеры того, что крестьяне проявляли случаи бессмысленного вандализма в барских усадьбах, революционные солдаты гадили в Зимнем дворце, коммунисты после закрытия церквей располагали там склады или, в крайнем случае, клубы, то есть нечто противоположное духовному служению, и делали это специально, чтобы разрушить очаги позитивной ауры. Информация для сравнения: в этой связи неподтверждённый, но очень показательный миф, демонстрирующий восприятие социумом власти большевиков как диктатуры, целенаправленно ухудшающей пространство: извлечённые из могил останки тринадцати великих князей были свалены в одну кучу и сожжены в общем костре на паперти Петропавловского собора [4]. И реальный пример, указывающий на то, что коммунисты целенаправленно разрушали позитивную ауру во время всей своей диктатуры: в 1960-х гг. часовня на могиле Ксении Петербургской была передана сапожной мастерской, а над самой могилой построили помост [4]. Соответственно, противоположные силы стремятся располагать объекты, связанные с духовностью и оздоровлением, там, где необходимо очистить ауру от накоплений негативной энергии.

Обстоятельства строительства Санкт-Петербурга и Комсомольска-на-Амуре в своей страшной правде во многом сходны: там и тут в большинстве своём использовался рабский подневольный труд. Разница лишь в том, что в Северной столице это были крепостные крестьяне и солдаты, а в городе Юности тоже солдаты, заключённые и военнопленные; и во втором случае смертность была несколько меньше из-за развития техники и медицины. Исходя из этого, можно предположить, что в обоих случаях многократно прокляты каждый квадратный метр земли, на которой стоят эти города. Проверить это и выяснить эффективность проклятий невозможно. Возможно иное: проследить, насколько устойчиво чередуются в одних локациях объекты с позитивной и негативной аурой.

Есть совокупность фактов, которые, казалось бы, подтверждают эту концепцию. Стадион «Авангард» и спортивный комплекс «Орлан» находятся на месте бывшей зоны. Улица Краснофлотская на пересечении с улицей Севастопольской ещё в 1954 году упиралась в 1-е отделение милиции (прежнее здание КГБ) на месте нынешнего детского сада № 106. Роддом на улице

Гаражной был построен в непосредственной близости от кладбища. Аналогично с железнодорожной больницей, детской поликлиникой № 7, диагностическим центром на улицах Вокзальной и Пирогова. Детская поликлиника № 1 (пр. Мира, 20) находится напротив нынешнего здания ФСБ. Детская художественная школа (улица Алтайская, 8) находится в здании бывшего управления лагерей. Интересный пример в Хабаровске: поликлиника № 3 (улица Дикопольцева, 34) в 1945 году была спецобъектом № 45, принадлежавшим краевому управлению НКВД, где разместили бывшего императора Пу И, 142 японских генералов и двух адмиралов. Но все факты стремлением очистить пространство не объясняются.

Таким образом, попытки объяснить неравномерное распределение объектов, существование зон и площадок через предложенные общественным сознанием способы не работают так же, как и объяснения через специфику социокультурного пространства. Приходится констатировать, что при распределении объектов по ГП действует совокупность факторов в неизвестной и постоянно меняющейся комбинации. Такая констатация по существу является признанием того, что объекты, как и ГП в целом, самоорганизуются.

Тогда возникает следующий вопрос. Какая из типовых структур самоорганизации реализуется? Следствием самоорганизации открытых нелинейных систем по И. Р. Пригожину является возникновение диссипативных структур. В настоящее время типология таких структур сводится к следующему: ячейки Бинара (упорядоченная сеть или соты), вихри Тейлора (фрактал или улитка), волны Белоусова – Жаботинского (в плоскости – круги), ризома (корневище или гроздь). Чтобы определить, какая из структур реализуется в данном случае, необходимо найти точку отсчёта.

Сделать это не так просто, потому что фиксация самых первых шагов здравоохранения в городе напоминает полулегендарные рассказы о больнице «в одном из домов» и поликлинике «в маленькой хибарке, разгороженной жердями» без точной топографической привязки. Но всё же определённый ориентир есть. По свидетельству Г. М. Кузаковой [10], первая амбулатория на три койки была оборудована в 1932 году в сарае на Аварийной площадке, затем на берегу реки Силинка больница развернулась в четырёх бараках. Логично предположить, что речь идёт о пространстве, которое сейчас занимают: 1) филиал № 1 военно-клинического госпиталя № 301 (Ангарский переулок, 1а), который был развёрнут в марте 1934-го тоже на берегу реки Силинка и в июне соединился с уже находящейся там местной больницей Дальпромстроя [11] или 2) гинекологическое отделение № 2 (Комсомольское шоссе, 21).

Точкой отсчёта будем считать это пространство, так как иного варианта нет. Его координация с хронологически близкими объектами выглядит так. Оказание услуг скорой помощи начато 7 декабря 1932 г., а 13 марта 1936 г. для медицинского обслуживания рабочих строительной площадки № 126 организована больница «Дзёмги», ныне городская больница № 2 (первоначально барак, затем улица Уральская, 8, потом улица Культурная, 5); больница имела множество ответвлений, либо исчезавших, как существовавшие в 1960 году 10 здравпунктов, либо менявших административную принадлежность, как родильный дом № 3. В 1936-м открылось первое дерматовенерологическое отделение, рассчитанное на 15 коек на базе больницы № 1. С 1938 по 1940 гг. открылись дерматовенерологические кабинеты в поликлиниках города на проспекте Мира, Дзёмгах, Амурстали, а также и на нынешнем АСЗ. В 1942 году на улице Кирова, 1 открылась лаборатория, в которую доставлялся материал на исследование из всех кабинетов города. Эвакогоспиталь № 1999 был сформирован 26 июня 1941 г. на базе школы № 26 г. Комсомольска-на-Амуре и рассчитан был на 200 коек.

Эта информация, несмотря на её неполноту и отрывочность, если её содержание связать с особенностями расположения ОО на современных картах, позволяет сделать некоторые выводы. Из четырёх типов диссипативных структур расположение ОО точно не образует сеть (ячейки) или ризому. Перед нами определён либо фрактал (вихрь), либо волны. К сожалению, количество исторической информации не позволяет сделать более точного вывода. Но и этого для такого места в данный момент достаточно.

Вспомним о том, что все четыре генеральных плана строительства города подчиняли пространство одному типу структур: кварталы и участки, а затем улицы на их основе образовывали сеть. Она с не всегда равномерными и вовсе не шестигранными ячейками, но именно бесспорная сеть, явно противоположная, например, московским концентрическим кругам. Получается, что ГП планируется и сознательно реализуется как сетевое, а ОО самоорганизуются в нём же по фрактальному или волновому типу, которые по механизму реализации противоположны сети.

В одном ГП сталкиваются и накладываются друг на друга два различных типа структурной организации. При этом первый планируется, он подконтролен, а второй в явном виде не планируется и не подконтролен. Столкновение двух различных структур и приводит к тому, что ГП оказывается нестабильным.

Происходит следующее. Генеральные планы подчиняют ГП принципам сети. Однотипные объекты «саморазвиваются» по принципам фрактала или волн. Фрактал или волны накладываются на сеть. Два принципа организации ГП начинают конфликтовать. Точки их наиболее явного несовпадения порождают флуктуации (случайные появления или исчезновения объектов): общежитие становится поликлиникой, детская больница превращается в бизнес-центр, стадион заменяется заводом и т. п. Концентрации флуктуаций порождают миграцию объектов: аптека «переезжает» с места на место. Миграция объектов создаёт специфические локализации: 1) нейтральные или специализированные улицы; 2) транзитные площадки и площадки стабильности; 3) зоны рассеивания или отторжения и зоны стягивания, концентрации или комфорта. А уже это всё порождает новые флуктуации и так далее на новом этапе цикла.

В такой ситуации мы можем только фиксировать специфику этой самоорганизации и делать из неё верные выводы. Получается, что город, который строился как памятник всеислия основанной на рабском труде плановой системы, был и остаётся действительно памятником, но только её беспомощности и несостоятельности узколобых теоретиков, которые её обосновывали. Его ГП с самого первого момента и по настоящее время продолжает оставаться нестабильным. А это оказывает влияние на его жителей.

Чем больше транзитных площадок и зон рассеивания – тем больше уровень тревожности жителей, тем значительнее у них ощущение тотального непостоянства пространства, в котором за обозримый промежуток времени на место кладбища приходит мебельный магазин, парк, жилой дом, фабрика или детский сад. Привычный мир постоянно меняется, человеку не за что зацепиться: вчера в соседнем доме была поликлиника, а сегодня – центр занятости. Человек начинает испытывать потребность бежать из этого пространства на поиски более стабильного, что и показывает отток населения из города.

Если предположить, что создание такой ситуации – это вовсе не просчёты планирования, а целенаправленная государственная политика, то тогда приходится сделать вывод о том, что, как и в случае со СМИ, она работает на создание устойчивого стереотипа, подталкивающего человека к стремлению спрятаться в своём мире и снизить до нуля социальную активность. Мы уже писали об этом [12].

Для эффективного размещения объектов необходимо знать характеристики всех улиц, зон и площадок города.

Есть основания полагать, что предложенные в статье способ анализа и характеристики локаций могут быть использованы для описания и интерпретации ГП любых городов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николаев, Д. Статьи, материалы и репортажи по истории застройки Комсомольска-на-Амуре [Электронный ресурс] / Д. Николаев. – Режим доступа: <https://gorotskop.livejournal.com/tag/проспект%20Ленина>.
2. Кузьмина, М. А. Места затоптанных могил [Электронный ресурс] / М. А. Кузьмина. – Режим доступа: <http://kniga.seluk.ru/k-tehnicheskie/1238610-1-mesta-zatoptannih-mogil-komsomolsk-na-amure-2007-god-skolkollet-proshlo-oni-vse-ischutischut-sledi-ischut-mogil.php>.
3. Попов, А. Два Петербурга. Мистический путеводитель [Электронный ресурс] / А. Попов. – Режим доступа: <https://history.wikireading.ru/220565>.

4. Синдаловский, Н. А. Призраки Северной столицы. Легенды и мифы питерского Зазеркалья [Электронный ресурс] / Н. А. Синдаловский. – Режим доступа: <https://knigogid.ru/books/161311-prizraki-severnoy-stolicy-legendy-i-mify-piterskogo-zazerkalya/toread>.
5. Синдаловский, Н. А. Очерки Петербургской мифологии, или Мы и городской фольклор [Электронный ресурс] / Н. А. Синдаловский. – Режим доступа: <https://history.wikireading.ru/87644>.
6. Аномальные зоны Кишинёва [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.babilon.md/2016/11/anomalnye-zony-kishineva/>.
7. 12 мест в Москве, на которых раньше были кладбища [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aif.ru/realty/city/12_mest_v_moskve_na_kotoryh_ranshe_byli_kladbishcha.
8. Исчезнувшие и уничтоженные кладбища Москвы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dw8.ru/kladbishcha/msk/12727-ischeznuvshie-i-unichtozhennye-kladbishcha-moskvy>.
9. Зеленин, Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1934–1954 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru/b/Bauopfer.html>.
10. Кузакова, Г. М. Здравсохранению города Комсомольска-на-Амуре – 70 лет! / Г. М. Кузакова // Здравсохранение Дальнего Востока. – 2002. – № 1. – С. 86-88.
11. Иванов, В. В. Развитие системы здравоохранения г. Комсомольска-на-Амуре в 1930–1940-е гг. / В. В. Иванов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 39. – С. 671-675. – URL: <http://e-koncept.ru/2017/970461.htm>.
12. Шунейко, А. А. Информационная безопасность человека: учеб. пособие для вузов / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко. – М.: Владос, 2018. – 480 с.